

Арсеньевъ ф.

ВЕСНА НА ШЕКСНѢ

въ 1857 году

Весна 1857 года на долго останется въ памяти у прибрежныхъ жителей р. Шексны. Старики, обращаясь къ своему давно прожитому, говорили, что не запомнятъ такого чуда, какое въ тотъ годъ напустила природа на весну. Долго тогда переталковывали между собою о предстоящихъ неурожаяхъ и безкормицѣ, пророчествуя дороговизну, при чемъ практическіе люди дѣлали кое-какія коммерческія соображенія и экономическіе расчеты, желая при общей нуждѣ пустить въ ходъ «счастіе и ловкость», понимая эти слова въ томъ практическомъ смыслѣ, въ какомъ они оборачиваются среди промышленныхъ предпріятій, гдѣ въ обыкновеніи прижимательство и пожива богатыхъ и капитальныхъ на счетъ бѣдныхъ и терпящихъ нужду.

Съ начала марта солнце свѣтило такъ, какъ должно было ему свѣтить въ эту пору, т. е. пригрѣвало сильно, снѣгъ таялъ быстро и, конечно, скоро бы сошелъ, еслибъ не крѣпкіе утренники, областявшіе его до того сильно, что на утрѣ поѣзжай по немъ хогъ на тройкѣ. Мужички, отправляясь въ лѣсъ на рубку дровъ и въ нивы за сѣномъ, уже не ѣздили по своимъ узенькимъ, плохо протореннымъ дорогамъ, а смѣлой рысью, иногда и вскачь, откатывали на прямикъ по насту: до того онъ былъ твердъ и плотно осажденъ морозами. Но какъ только день подходилъ къ десяти, такъ тепло и начинало брать свое: припекающими солнечными лучами разводило настъ, на лугахъ все шире и шире дѣлались протали, все выше и выше поднимались и вытаивали ѣзжалыя дороги—и вогъ вмѣстѣ съ днемъ Алексѣя-Божья челоуѣка—*сз горѣ вода*—шумные ручьи и потоки побѣжали въ Шексну по всѣмъ ложбинамъ и рытвинамъ, какъ по водосточнымъ желобамъ. Рѣка наполнялась скоро. Темныя пятна, какъ синяки на тѣлѣ, показывались на льду и, събѣдая снѣгъ, быстро расплывались по немъ, сливаясь въ одно общее свицоваго цвѣта пространство. Скоро образовались закраины и дружно начали отдирать ледъ отъ бе-

реговъ и пучить его къ верху. Вотъ показалаь и заливная съ приборотей, а вслѣдъ за нею и перелетные странники.

Послѣ грачей и скворцевъ первые (2-го апрѣля) явились жаворонки, сперва стадами, потомъ скоро разбились въ пары и, размѣстившись по проталинамъ, начали веселить матушку природу, заливаясь въ громкихъ пѣсняхъ. За ними прилетѣли вертявья и миловидныя трясохвостки, вѣстрицы, по мѣстнымъ пришексннскимъ замѣчаніямъ, скорого вскрытія рѣкъ, и коронованныя шголки, всегда такъ забавно упражнявшіяся въ началѣ весны игрою своего полета. Потомъ съ вытаявшихъ грязныхъ полей началъ раздаваться голосъ журавля и крикъ кроншнепа. Надъ ближайшимъ кочкарникомъ, съ переоговальной, пожелтѣвшей осоккой, барашкомъ заблелъ бекасъ, статныя кулики-кривоноски начали выкликать «*траву*», глухо забормоталъ дикій голубь на хвойномъ лѣсу, а въ воздухѣ то и дѣло плыли эскадры гусей, лебедей и различныхъ породъ утокъ. Вода въ рѣкѣ прибывала сильно, теченіе ея дѣлалось все медленнѣе и медленнѣе, наконецъ совсѣмъ перестало позывать ее къ низу, задержало на день въ устойчивомъ положеніи и потомъ обратило назадъ, вверхъ. Это повторяется въ Шекснѣ каждый годъ отъ сторовъ Волги. При движеніи льда по Волгѣ, силою воды надвигаетъ въ узкихъ мѣстахъ щеры (*) другъ на друга въ нѣсколько слоевъ, запруживая рѣку до самаго дна. Такія ледныя плотныя устраиваются природою на Волгѣ къ островамъ, около которыхъ рѣка, раздѣляясь на два рукава, представляетъ двѣ узкія полосы воды, очень тѣсныя для перехода льда съ широкихъ мѣстъ.

Преграждая свободу теченію, сторы чрезвычайно возвышаютъ прибыль воды въ Волгѣ, которая въ свою очередь, подпирая воды впадающихъ въ нее рѣкъ, производитъ то удивительное явленіе въ природѣ, гдѣ побочныя рѣки принимаютъ вдругъ обратное направленіе и быстро начинаютъ течь вверхъ. Самая большая прибыль воды въ Шекснѣ бываетъ именно тогда, когда происходитъ это явленіе, подпимающее воду въ иные года аршина на два и болѣе въ сутки. Если сторы на Волгѣ велики и продолжительны, разливы Шексны бываютъ чрезвычайно широки и бѣдственны для крестьянъ, потому что томятъ ихъ села и деревни, уносятъ огороды и холостыя зданія, разбиваютъ дрова, жердн, слянь и прекращаютъ на цѣлый мѣсяць всякую возможность къ сухопутнымъ сообщеніямъ. Въ такомъ разѣ много бываетъ хлопотъ съ скотомъ, который поднимается на повѣти, и немало

(*) Щира—большая льдина.

возни съ хлѣбомъ, перемѣщаемымъ изъ амбарныхъ засѣковъ на подволоки. Тѣже сторы льда и обратное теченіе воды удерживаютъ на долго шекснинскій ледъ. Ужь вода выйдетъ изъ береговъ, всѣ окрестности займутся разливомъ: а ледъ стоитъ себѣ черною лентою на мѣстѣ рѣки, тронетъ и испаряется, пока теченіе не пойдетъ своимъ нормальнымъ путемъ, т. е. къ низу. Ярославцы, видя мимо ихъ города плывущія запоздавшія и потемнѣвшія отъ долгаго застою щипры шекснинскаго льда, дѣлаютъ очень наивное предположеніе, что на Шекснѣ должно—быть живутъ угольники, окрасившіе своимъ ремесломъ весь ледъ въ черный цвѣтъ. Долгіе застои шекснинскаго льда нисколько не препятствуютъ вскрытію побочныхъ рѣкъ Шексны. Согожа, впадающая въ Шексну противъ села Всесвятскаго, сбрасываетъ ледъ за долго прежде: уже по ней успѣетъ мѣстная промышленность развернуть вполнѣ свою дѣятельность, какъ сломается и протачится ледъ на Шекснѣ.

Прелестны верховья рѣки Согожи. Вытекая изъ дремучаго сохотскаго лѣса, сплошною грядою соединяющагося съ костромскими и вологодскими лѣсами, она разбѣгается по широкому луговому пространству, окаймленнымъ чудными сосновыми борами. Это Севастьяновская долина, гдѣ покоится мощи Севастьяна, чрезвычайно уважаемаго Помехонцами. Надъ его могилою, неподалеку отъ рѣки Согожи, возвышался въ старыя времена монастырь, сдвинувшій подъ именемъ Севастьяновской пустыни. Непзвѣстно, сколько лѣтъ кануло въ вѣчность, со времени его разрушенія, но слѣды существованія монастыря и живое преданіе о немъ еще не изгладились. Недавно, лѣтъ 15 тому, на мѣстѣ пустыни стояла бѣдная часовня, съ старинными образами греческой иконописи и скромною ракою почивающихъ подъ снудомъ мощей угодника. При входѣ въ часовню, не трудно было замѣтить складенные въ кучки въ углахъ *иручники*, вещи употребляемыя на молитвѣ раскольниками, въ большомъ количествѣ обитавшими въ скитахъ въ густотѣ сохотскихъ лѣсовъ и благоговѣнно—чтившими угодника Севастьяна. Незнаю секты, къ которой принадлежали Сохотскіе раскольники, но замѣчательно то, что они были самые ревностнѣйшіе пристанодержатели. Бѣглые солдаты, преступники съ рудниковъ Сибири, изъ остроговъ, непомнящіе родства и дворовые люди находили здѣсь себѣ радушный пріемъ, кровъ и защиту. Г. Потѣхинъ, описывая Скитъ на рѣчкѣ Корженцѣ, Нижегородской губерніи, Семеновскаго уѣзда (*). приложилъ чертежъ его

(*) Современн. 1859 года, февраль.

внутренняго расположенія. Почти также расположены скиты и Сохотскихъ скитовъ. Однаковыя причины и однаковая опасность породили тѣже средства и уловки для охраненія своей отшельнической, но запрещенной закономъ жизни. Впрочемъ тамошние блюстители законовъ какъ-то милостиво обходились прежде съ раскольниками и дѣлали навзды къ нимъ только изъ единственнаго желанія порыться въ богатыхъ ихъ карманахъ, всегда отгвѣстныхъ для вліятельныхъ и начальничьихъ людей. Нынѣ въ Севастьяновской долинѣ, вмѣсто бѣдной, убогой часовни, красуется довольно роскошная церковь, при которой находится причтъ совершавшій постоянное богослуженіе. По берегамъ рѣки Согожки, по протяженію долины, основаны военныя поселенія, развившіяся въ настоящее время въ большія деревни. Край сдѣлалъ населеннымъ: пустырь, но которому шлѣлись медвѣди, да бѣглые раскольники, оживлялся правильною общественною жизнію человѣка. Потерпѣли одни только лѣса, замѣчательно разрѣдившіеся и раздавшіеся по сторонамъ.

Заговорясь о постороннемъ, я отдалился отъ описываемой мною весны. Возвратимся. Все теплѣе и теплѣе грѣло солнце, все живительнѣе и отраднѣе разливалась весенняя благодать въ воздухъ, все шире и шире расходилась вода и наконецъ захлебнулись ею все окрестности съ дугами, яровыми полями и лѣсами, растущими по глубокой впадинѣ шекснинскаго бассейна. Зайцы, выжитые разливомъ изъ лѣсовъ, сперва тѣснились по узенькой полоскѣ берега, потомъ перебрались кое-какъ на шекснинскій ледъ и расквѣкались въ оба конца его на страду свою и голодь. Послѣ осиновой коры и молодыхъ побѣговъ ивняка, которыми они лакомились въ лиственныхъ пришекснинскихъ лѣсахъ, только и осталось теперь имъ въ пищу, что перезимовавшія еловыя вѣхи, нѣкогда обозначавшія по рѣкѣ дорогу. Мужички села Краснаго, растянувагося на цѣлую версту по берегу Шексны, радовались дружной веснѣ, предполагая успѣшно кончить по полноводью свои работы. А работъ въ этотъ годъ было не мало: всю зиму рублены были дрова и метаны въ огороды, которые нужно по водолицѣ выводить на текучую воду, чтобы плавить въ Рыбинскъ и Ярославль, какъ только уберется заливная вода и обрѣжутся берега у Шексны. Въ пришекснинскихъ мѣстахъ дрова составляютъ для крестьянъ и номѣщиковъ одну изъ важнѣйшихъ доходныхъ статей. Споконъ-вѣка топоръ выручалъ здѣсь порядочныя деньги, истребляя лѣсъ беспорядочно и безпощадно. Въ настоящее время лѣса по обѣимъ берегамъ Шексны доведены до того

плачевнаго состоянія, въ которомъ они близки къ названію кустарника. А не Богъ-знаетъ сколько лѣтъ тому назадъ еще шумѣли здѣсь густые осинники, помахивали вершинами толстоствольныя березы и росъ дубъ великанъ, вознося подъ небеса свои раскидистые сучья. Самое бѣдовое для лѣсовъ время было въ года череполосныхъ владѣній и общихъ не размежеванныхъ дачъ. Тогда, ни предъявляя правъ, ни спрашивая позволеній, рубили крестьяне изъ лѣсныхъ угодій дрова и кошеvníкъ, жерди и слань, гдѣ кому вздумается, сколько кому хочется, плікому какъ подъ силу. Лѣнливый да лежебокъ не тащилъ даровое и не запрещенное, а то всѣ отъ мала до велика добывали изъ лѣса копейку и исправно прошивали ее подъ гостепрїимною елкою.

Подъ произволомъ этой неурядицы дрогнули и легли шекснинскіе лѣса, оставивши о себѣ память въ преданіи, да еще свидѣтельство о своей громадности по остаткамъ дубовъ, и до сихъ поръ часто находимыхъ на днѣ рѣчекъ и озеръ. Но зло и вредъ для лѣса заключался не въ одномъ его истребленіи, а и въ самомъ способѣ этого истребленія. Рубка по небрежливости и небрежности была такъ не чистою, что захлamosтила и засорила, не назову уже лѣса, а лѣсныя пространства до того, что по нимъ не возможно ни пройти, ни пролѣзть. Даже теперь, когда владѣнія вошли въ опредѣленныя границы и слова лѣсъ и капиталъ сдѣлались въ пришекснинской мѣстности синонимами, таже безпорядочность, таже обидное невниманіе къ своему достоянію проявляются въ здѣшнихъ владѣльцахъ. Что, напримѣръ, за порядки существуютъ въ отдѣлѣ лѣсныхъ участковъ на срубку? Шагами, да на глазомѣръ выкроить себѣ владѣльцы изъ лѣсу, съ общаго согласія, часть и превратить ее всю въ кряжи, слань и жерди, засоря мѣсто рубки вершинникомъ и вѣтвями, которыхъ никогда не позаботятся собрать въ груды и сжечь, чтобъ очистить мѣсто для побѣговъ молодяга. Дальнѣйшій обиходъ съ вырубленнымъ лѣсомъ ведется нѣсколько порядочнѣе и акуратнѣе: кряжи свозятся на поемныя мѣста и полѣняются тамъ въ дрова, топорами, однакожь, а не пилами. Дрова въ здѣшней сторонѣ грузятъ въ лодки мало, по большею частію мечутъ ихъ въ косяки, или, такъ называемые, огороды, связанные большими квадратами изъ толстыхъ осиповыхъ слегъ, съ вдолбленными стойками, аршина въ три вышиною. Къ стойкамъ прикрѣпляются черемховыми вѣтвями жерди, въ родѣ того, какъ городятся горизонтальныя огороды около полей, только съ большею плотностію. Такой косякъ, или огородъ, сидитъ въ водѣ фута на четыре съ

половиною и на пять. Чтобы выгнать его съ поймы въ Шексну, необходимо достаточной глубины полуую воду, что большею частью и бываетъ въ шекснинскомъ бассейнѣ, представляющемъ относительно другихъ мѣстъ довольно глубокую впадину. Но выдуются и такіе года, что вода только оплезнетъ огороды, ополочетъ ихъ бока, да скоро и сбудетъ. Въ такомъ обстоятельствѣ хлопотъ бываетъ множество: косяки разбиваются, дрова гужемъ перевозятся на берегъ Шексны, иногда за нѣсколько верстъ, потомъ вновь вяжутся огороды уже на самой Шекснѣ, вновь мечутся въ нихъ дрова, все это въ такое время, когда у мужичка на рукахъ самыя снѣшныя работы по хлѣбопашеству. Конечно, можно бы дрова оставить на своихъ мѣстахъ безъ всякой ломки до слѣдующей весны, но дѣло-то въ томъ, что они по зимѣ еще проданы, и деньги за нихъ получены всѣ и ужъ израсходованы: половина ушла по части откупной, а другая на заплаты прорѣхъ своего горемычнаго быта.

Въ весну 1857 года пришекснинскіе мужички уже хотѣли приступить къ выгонкѣ огородовъ, какъ вдругъ природѣ вздумалось подшутить. Сперва перемѣнила она южный вѣтеръ на сѣверный, а потомъ 12 апрѣля послала такой трескучій морозъ, что весь разливъ подернулся тонкою пленкою льда. На широкомъ, почти пятиверстномъ, открытомъ пространствѣ воды, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остались маленькія полынейки, рябившія тонкими струйками; а остальное все превратилось въ гладкую, какъ стекло, поверхность. За первымъ морозомъ послѣдовалъ второй, за вторымъ третій, и все суровѣе и суровѣе, и такъ цѣлую недѣлю продолжалъ стоять страшный холодъ съ сѣвернымъ пронзительнымъ вѣтромъ. Застыла толстымъ льдомъ водолица, затянуло всѣ полыньи и обнѣдѣвли, какъ въ середозимѣ, деревья. Вся жизнь природы, только что начинающая развиваться, пресѣклась: развѣялось дыханіе весны, смолкъ говоръ воздушныхъ переселенцевъ. Скрылись куда-то утки, исчезъ кроншнепъ; уже не разсыпается барашкомъ бекасъ, не перепискиваются песочники; даже ингалка не прокричитъ, чайки не перекликнутся, журавль не прокурлычетъ на болотѣ. Опустили головы мужички. Такой *пачемерзю* (*) еще небывало на ихъ памяти. Иногда ночью и приударить морозъ, но днемъ пригрѣетъ солнышко и сейчасъ же все разведетъ: нослѣ полдень поѣзжай въ лодкѣ куда хочешь; но тутъ заливу заковало льдомъ въ вершокъ толщины и нѣсколько

(*) *Пачемерзю* называется въ пришекснинской сторонѣ ледъ на заливѣ отъ весеннихъ морозовъ.

не сдаетъ на тепло. Многіе опасались за озимой хлѣбъ, другіе за лѣсъ, третьи за травы, и Богъ знаетъ какихъ безпокойныхъ думъ и тревогъ не навѣяли несвоевременные холода и морозы.

Въ деревнѣ К., по сосѣдству съ Краснымъ селомъ, наступилъ праздникъ и ярмарка, на которой запасаются все окружные крестьяне новыми телѣгами, колесами, боровами, сохами, кадочками, рѣшетами и разною домашнею рухлядью. Наши деревенскіе торжки почти повсюду имѣютъ одинъ характеръ. Изъ отдаленныхъ мѣстъ свечера собираются и покупщики, и продавцы на пунктъ ярмарки. Свечера устраиваются балаганы для торговли пряниками, палатки для чаепитія и сбитня, столы для гороховаго киселя и пироговъ. Чужаки (*) разбродятся на ночевку по знакомымъ, мужики по крестовымъ (**) братамамъ, пріятелямъ, сватамъ, бабы по кумушкамъ, сватыамъ, божаткамъ (***). Нѣкоторые на сонъ грядущій клюкнутъ; но это ужъ самыя горькіе, такихъ не много. Рано утромъ, въ самый день торжка, подбываетъ народъ изъ ближайшихъ деревень. Шумъ и толкотня еще не сливаются въ общую массу: сходятся кучками, небольшими толпами; слышенъ просто говоръ, даже не очень громкій, иногда прерываемый смѣхомъ, иногда крикомъ возовика «посторонись, ей поберегись!» пробирающагося шагомъ между народомъ, который нехоти раздвигается предъ самымъ рыломъ тощей возовой клячи. Вотъ ударили въ колоколъ къ обѣднѣ, старики и старухи потянули къ службѣ; остальные дожидаются «во вся»—и за тѣмъ, общимъ *кашломъ* (****) вваливаютъ въ церковь. Послѣ обѣдни торжки оживляются: кричатъ продавцы, кричатъ покушающіе, кричатъ гуляки: споръ, брань, пѣсни, нестройные звуки гармоники съ припѣвомъ и безъ припѣва раздаются во всехъ концахъ. Вызгивые голоса бабъ покрываютъ весь базарный шумъ. Подъ вечеръ, по окончаніи торга, на улицѣ дѣлается вдругъ пусто. Остаются голько одни сильно подкутившіе, шатающіеся большею частію по одиночкѣ, да кучки народа около кабака и ребятишки, роющіеся въ дризгу, на мѣстахъ балагановъ и палатокъ, въ надеждѣ отыскать что-нибудь потерянное: обломокъ пряника, изюмину или орѣхъ.

(*) Чужакъ—изъ чужаго прихода.

(**) Въ крестьянскомъ—въ знакъ союза дружбы мѣняются крестами и зовутся между собою отъ этого *крестовыми*.

(***) *Божатка*—крестная мать; *божатко*—крестный отецъ.

(****) Гуртомъ, массою.

Каждый годъ красносельцы отправляются на ярмарочный праздникъ въ К. для покупки всего нужнаго по дому вообще и въ особенности для праздничанья, потому что тамъ на это время и пива варятъ и водкою угощаютъ до отвалу. Бывало, какъ стадо чернетей—наперерывъ другъ передъ дружкой мчатся ихъ лодочки по широкому разливу и скоро доносятъ ретивыхъ гребцовъ до своей цѣли. Но теперь такимъ образомъ ѣхать было нельзя, хотя широкій и гладкій разливъ такъ и манилъ по себѣ прогуляться. Что дѣлать? Отказаться отъ праздничанья—не возможно, это было бы нарушение порядка, неслыханное и безпримѣрное. Совершить переправу по льду—опасно; пожалуй, какъ разъ отправишься «ловить бурокъ». Произошелъ совѣтъ, на которомъ большинство голосовъ рѣшило идти на праздникъ на прямикъ по начемерзъ, по тому-де, «что двухъ смертей не бываетъ, а одной не миновать, и если кому на роду написано гдѣ умереть, то того мѣста не обойдешь, не объѣдешь»; къ тому же поговаривали, что по застывшей разливѣ уже много прошло ходоковъ.—Крестьясь и озираясь, не смѣло выступили на начемерзъ мужички, и робко передвигая ноги по скольскому льду, безпрестанно пробовали его прочность то жемами, то обухами топоровъ, то погопываніемъ ногою. Ледъ только потрескивалъ и гудѣлъ, но нигдѣ не проламывался. Тутъ-то разсѣялись всѣ по разливу и по мѣрѣ увѣренности въ безопасность, все веселѣе и свободнѣе шли впередъ и наконецъ со смѣхомъ и крикомъ, подшибая другъ друга и безпрестанно падая, пустились во всю прыть, раскатываясь по зеркальной поверхности. Казалось всѣ совершенно забыли, что отдѣлены отъ смерти очень тонкимъ слоемъ хрупкаго тѣла и тѣшились, какъ дѣти, пустая сильною рукою маленькія льдинки, которыя съ визгомъ и гуломъ далеко летѣли по яснецу. Странно было видѣть со стороны эту путешествующую толпу по льду, издали похожему на поверхность устоявшейся воды въ тихій день.

Уже подъ вечеръ возвращались красносельцы назадъ, порядкомъ подготовившись праздничными пивами и водкою. Обратное путешествіе было несравненно веселѣе и оригинальнѣе. Кто тащилъ, перепрокинувъ на сошки, косулю, съ трудомъ удерживая на льду свое устойчивое положеніе; кто тащилъ скагъ колесъ, убѣгающихъ впередъ отъ малѣйшаго прикосновенія и по этому представляющихъ ненадежную точку опоры. Здѣсь двигались нѣсколько кадокъ, громко звеня своею пустотою, и бѣжали какъ бы сами собою ящики телѣгъ, а тамъ сѣдой, запустившій хмѣлину, старичина, княземъ развалился на боронѣ, обращенной зубьями ко льду

и влекомой друмя дюжими парнями, оралъ во все горло дребезжащимъ голосомъ всѣмъ знакомую народную пѣсню:

Тихи воды, быстры рѣчки
Бережечка моютъ.

На другой день послѣ праздника вода сбыла четверти на полторы и ледъ осѣлъ, а холодъ и морозъ нисколько не смягчились. Шибко пригорюнились тѣ, которые имѣли на поимѣ дрова и слань (*). Огороды могли обмелѣть и въ будущемъ представлялась невыносимая и долговременная работа. У которыхъ косяки были по ближе къ рѣкѣ, рѣшили вывести ихъ теперь же, разрубая ледъ и очищая этою изнурительною и хлопотливою мѣрою нужное пространство воды для выгонки огородовъ. Силъ и старанія положено было множество, избились мужички до невѣроятія, многіе выкупались и хватили лихорадку, всегда въ весеннее время очень опасную въ здѣшнихъ мѣстахъ, но дрова выгнали и поставили на глубокія мѣста, на которыхъ уже нечего было бояться обмелѣнія. Но не всѣ успѣли обезпечить эту рѣшительную мѣрою свою дровяную промышленность. Большая часть огородовъ остались заморозженными въ нивахъ, гдѣ легко могли они обмелѣть и застояться до сухопутицы. Хозяева ихъ ужъ и рукой махнули, видя, что тутъ никакимъ образомъ нельзя превозмочь *Божья произволенья*.

Вдругъ вѣтеръ перемѣнился, перейдя съ сѣвернаго на западный. Какъ отъ созвздія Южнаго Креста въ льяносахъ и памнасахъ Оренко вѣтеръ непременно нагоняетъ тучи и грозу, которая оживляетъ оцѣпенѣвшую отъ зноя природу: такъ западный вѣтеръ въ пришекспинскихъ окрестностяхъ всегда натаскиваетъ дождь и тепло. Сейчасъ же измѣнилась погода, холодъ спалъ и потянулись изъ-за горизонта облака, восходя по бокамъ неба все выше и выше къ зениту. Наконецъ собрались они въ довольно густую тучу и обрызнули крупнымъ дождемъ. Въ два—три дня окоченѣвшая природа освободилась отъ ледяной коры, вода прибыла, шекспинскій ледъ протащило и возвратилось откуда-то вдругъ все пернатое странствующее населеніе нашего края и еще съ большимъ оживленіемъ начало торжествовать свое брачное соединеніе. Жизнь снова вступила въ свои вѣчныя права, снова повѣяло весною, эту чудною, оживотворяющею благодатью.

(*) На дно судна, подъ грузъ кладутъ и на обрѣшетникъ для крыши надъ кладью—употребляется тонкій, короткій жерденикъ, называемый *сланью*. Слани очень много рубятся на Шекснѣ. Она продается по тысячно.

И говорить нечего, что хозяева дровъ, замерзнувшихъ было на поймахъ, остались не въ накладъ, потому что послѣ, безъ всякихъ хлопотъ и затрудненій, вывели свои косяки, куда слѣдовало. Однакожь не безъ несчастій обошлось это продолжительное замерзаніе разлива. Чрезвычайно много истребилось молодого лѣса, когда во время убыли осѣдалъ ледъ и силой своей тяжести сгибалъ и ломалъ каждое деревцо не толще руки; тѣмъ-же слѣдованіемъ льда протерло кору до самой древесины на всѣхъ понятыхъ водою большихъ деревьяхъ, отчего подеушилось множество лѣсу. Слѣды этихъ крушеній явились во всемъ своемъ безобразіи послѣ слитія воды: на пномъ торфяномъ болотѣ, гдѣ такъ славно было новыбѣжалъ ровненькій и частой дровяной лѣсокъ, не осталось ни одного дерева цѣлаго. Многіе изъ крестьянъ загубили и жизнь свою, особенно при началѣ морозовъ, когда начемерзъ еще не достаточно утвердилась и опорю служило только одно ненадежное русское авось. Всѣхъ несчастныхъ случаевъ по Шекснѣ отъ «утопленія» было въ ту весну до двадцати; да до пятнадцати человѣкъ отправилось на тотъ свѣтъ выкупавшихся и заболѣвшихъ отъ того горячками. Но были творенія, для которыхъ весеннее замерзаніе воды было спасеніемъ: зайцы съ шекснинскаго льда и съ островковъ, гдѣ ожидала ихъ неминуемая гибель, по начемерзѣ всѣ ушли въ уйму, т. е. въ большой островной лѣсъ.

Флегонтъ Арсеньевъ.